

КАРГОПОЛЬСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

ХРИСТИАНСТВО И СЕВЕР

1328927

Москва
2002

К вопросу о соотношении православного канона и народных поверий в погребальном обряде русского Севера

Период с конца XIX – начала XX вв. интересен тем, что в это время резко возросло число публикаций именно в периодической печати, посвящённых народной культуре. Причём авторами этих публикаций становятся учителя, приходские священники и прочие любители народной старины. Изданная в 1847 г. Императорским Русским Географическим Обществом и разосланная по губерниям программа по сбору фольклорного материала активизировала собирательскую работу на местах¹.

В 1890-е гг. отделением русского языка Санкт-Петербургской Академии наук были написаны и разосланы программы для сбора произведений народного творчества с соблюдением местного говора².

И та и другая программы рассчитывали, прежде всего, на помочь учителей, священников, которые по своему положению и деятельности стояли ближе к простому народу. Продолжает эту линию и более поздняя публикация в «Олонецких губернских ведомостях» «О собирании произведений народного творчества». Там помещено письмо начальника Олонецкой губернии Н. В. Протасьева к Его Преосвященству Анастасию, епископу Олонецкому и Петрозаводскому. В нём он обращается с просьбой “рекомендовать подведомственному... духовенству, близко соприкасающемуся с народной средой, собирать и записывать произведения народного творчества и сообщать такие записи и другие свои наблюдения в этой области непосредственно губернскому комитету попечительства о народной трезвости”. В конце письма выражается уверенность, что духовенство откликнется на это обращение, так как уже “сделанные членами причтов записи былинной поэзии неоднократно печатались на страницах местных Губернских Ведомостей и обращали на себя внимание, как отдельных исследователей народного творчества, так и учреждений...”. В ответ последовала резолюция Его преосвященства от 7 октября: “Предложить духовенству через напечатание в Епархиальных Ведомостях, содействовать по возможности собиранию сведений, о которых говорится в этом письме”³.

О церковных периодических изданиях как источниках для этнографического изучения православия говорится в статье С. С. Харламова⁴. В диссертации Г. Н. Мелеховой они привлекаются в связи

с исследованием религиозности крестьян в XIX – первой трети XX вв.⁵. Мой же интерес в изучении «Олонецких епархиальных ведомостей», издаваемых в Петрозаводске с 1898 по 1918 г., касается одного вопроса. А именно: наблюдений приходского священника и прочих лиц духовного звания над народными обычаями при отправлении погребального обряда, а также их отношение к этим обычаям. Подобные статьи публикуются в журнале в неофициальной части среди других сведений о приходской жизни, историко-статистических описаний епархии, текстов проповедей, житий святых и пр. Характерно, что в последние годы выхода журнала, начиная со времени Первой мировой войны, публикации этнографического характера практически исчезают, а в 1917-1918 гг. в них наиболее остро встаёт вопрос о бедственном положении сельского священника и о сложных отношениях его с паствой в новых создавшихся условиях существования Церкви.

Погребальный обряд наряду с другими ритуалами жизненного цикла включает в себя целый комплекс обрядов и текстов, сопровождающих действия до и после основного события – смерти. По уставу православной церкви чин погребения, включающий в себя чтение определённых молитв, канонов над умирающим, служение литии, отпевание, должен совершаться только священником. В исключительных случаях некоторые действия над покойным может совершать дьякон, причетник, а если их нет, то мужчина, в крайнем случае, женщина. В таких ситуациях мирянам разрешается чтение Псалтыри у гроба, каждение гроба и покойника ручной кадильницей и окропление святой водой.

В условиях Севера, когда деревни внутри одного прихода были очень удалены друг от друга, и священник приезжал лишь в престольные и великие праздники, далеко не над каждым умирающим служили чин погребения, часто совершались заочные отпевания. Вместе с тем с сельских батюшек строго спрашивали исправление треб, так что им приходилось объезжать деревни, чтобы исповедовать, причащать, отпевать и таким образом опекать свою паству.

Публикуемые на страницах «Олонецких епархиальных ведомостей» наблюдения-отчёты паstryрей о состоянии прихода порой достаточно подробно освещают различные стороны народной жизни. Погребальный обряд рассматривается в них наряду с другими, а часто является и предметом специального изучения. В народе сложились свои представления о том, как надо провожать покойника в иной мир, мир предков. При этом батюшке если отводилась роль, то строго определённая. Так, по словам священника А. Малиновского,

описавшего обряд поминования в 40-й день у чудинов западного побережья Онежского озера, “кроме служб церковных, в этих поминках нет ничего христианского. От них веет седой стариной языческих обрядов”⁶. Обряд “отпуска души на сорочинах” встречается и в описании другого священника⁷. Схема его такова: встреча души (сопровождается причитаниями), затем устраивается баня, после чего на ночь для души делают специальную постельку. Последнее соблюдается не везде. Так в Ежозерском приходе сразу в один день служат обедню в церкви, а после повсеместно следует поминальный обед, на котором присутствует священник как почётный гость, а рядом с ним в углу ставят прибор для души усопшего. После обеда все выходят во двор либо идут какое-то расстояние в сторону кладбища, чтобы проводить душу, при этом пение заупокойных молитв перемежается с причитаниями.

Священник Тивдийского прихода А. Петропавловский не только описывает, как выносят гроб с умершим, но и поясняет, для чего гроб над каждым порогом трижды поднимают и опускают: “чтобы застраховать себя от близкой смерти”. Трогательна и его попытка объяснить для себя те или иные проявления “темноты” народа: “Гроб делают с маленьким оконцем, вероятно для того, чтобы умерший мог созерцать окружающее”. Здесь же он говорит о необходимости просвещать паству, но к этому, считает он, не готовы ещё сами священники, “которые не прочь разделять и поддерживать эти и подобные верования”⁸.

Народные представления о смерти также не остаются без внимания. Священник В. Никольский опубликовал две, распространённые среди корелов, легенды о смерти⁹. В одной из них рассказывается, как кузнец обманул посланную к нему Богом смерть, упрятав её в приготовленный якобы для себя железный гроб с двенадцатью замками. Интересно, что экспедицией РГГУ в Каргопольский район записывались похожие истории о том, что сделанный до смерти и хранимый на чердаке гроб продлевает жизнь тому, для кого он приготовлен.

На страницах журнала, пестрящего материалами о расколе, встречаются описания обряда похорон единоверческого прихода¹⁰. Тело умершего единоверца омывают водой, кадят, обряжают, кладут на лавку в большой угол, ставят рядом чашку с чаем, тарелку с пирогами, взрослым дают в левую руку лестовку. Отпевание у них совершается большей частью дома, да и поминать умерших в храме на проськомидии, служить панихиды и литии не принято. В связи с принятым в 1905 г. законом о веротерпимости участились случаи, когда раскольники

перекрецивали в раскол находящихся в бессознательном состоянии умирающих, не давая близким похоронить их по православному обряду¹¹. О скрытническом чине погребения: “без сорочки”, креста, обернув тело только в грязный половик и так зарыв в яму, сказано кратко: хоронят “как скота”¹².

Суммируя эти и другие наблюдения священников над народными обычаями при погребении, можно говорить о двух типичных реакциях. Одни священники ограничиваются лишь простым описанием разного рода суеверий и относятся к их проявлениям спокойно. Другие обвиняют свою паству в язычестве, в том, что религиозность народа заключается только в свершении обрядов. Свою задачу они видят в просвещении паствы посредством проповедей, внебогослужебных чтений в храме, создании при церкви библиотек. На страницах “Олонецких епархиальных ведомостей” встречаются проповеди: “Об уважении к местам христианского погребения”¹³, “Как велик грех поминать усопших водкой”¹⁴. Жанр проповеди позволяет в доступной форме излагать основы православного вероучения. Ведь в данном вопросе для сельского батюшки очень важно, убеждая, не отвратить, а умело способствовать воцерковлению прихожан.

Примечания

¹ См.: Предисловие к Этнографическому сборнику, изд. ИРГО. – СПб, 1853. – Вып. 1.

² Олонецкие губернские ведомости (далее – ОГВ). – Петрозаводск, 1896. – № 76.

³ О собирании произведений народного творчества //ОГВ. – 1903. – № 122.

⁴ Харламов С. С. Церковные периодические издания как источник изучения этнографических аспектов православия //Библиотека и история: Сб. науч. трудов. – М., 1994. – Вып. 2.

⁵ Мелехова Г. Н. Православные традиции в Каргополье в XIX - первой трети XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997.

⁶ Олонецкие епархиальные ведомости (ОЕВ). – Петрозаводск, 1903. – № 2.

⁷ ОЕВ. – 1901. – № 18.

⁸ ОЕВ. – 1908. № 9.

⁹ ОЕВ. – 1907. – № 5.

¹⁰ ОЕВ. – 1910. – № 13.

¹¹ ОЕВ. – 1908. – № 12.

¹² ОЕВ. – 1912. – № 5 – 6.

¹³ ОЕВ. – 1909. – № 1.

¹⁴ ОЕВ. – 1909. – № 13.